Развернутые красочные сравнения, столь характерные для державинской лирики, показались Дмитревскому неуместными в трагедии. Основным его требованием к трагедийному стилю, насколько это можно судить по примечаниям, была ясность и логическая стройность. Замечания на л. 44, 45, 47, 52, 56, 83 (все три), 92 (второе), 111 имеют своей целью прояснение не слишком ясных выражений и усиление логической связи между предложениями. Однако требование ясности и чистоты стиля, безусловно эстетически оправданное, в некоторых случаях вступало в противоречие с принципами экзотического слога, заявленными и реализованными Державиным в его первой трагедии. Поэт замечает в предуведомлении: «Впрочем, жестокие кровожаждущие выражения, а также и восточный слог употребил я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнее представить характер еврейского народа, из коего суть все почти действующие лица» (Л. 39). Усложненная образность, цветистые метафоры, церковнославянизмы и искусственные слова, образованные по церковнославянским моделям, «трудная» звуковая организация стиха были призваны характеризовать речь экзотических персонажей и представлялись автору эстетически оправданными: «Погрешил бы, кажется, и был бы подвержен справедливому суждению художников благоразумных, ежели бы палестинцев заставил я изъясняться чувствами и оборотами французов» (Там же). В качестве аргумента, подтверждающего правильность избранного им пути, Державин приводит основное положение нормативной поэтики: «Главное правило писателей — следовать природе» (Там же).

О несовпадении стилистических позиций Державина и Дмитревского с наибольшей наглядностью свидетельствует третье замечание на л. 83. В третьем явлении четвертого действия Антипатр и Ирод сообщают недавно прибывшему из Рима Архелаю о мнимых злодействах Мариамны. Ирод в отчаянии, поскольку убежден в ее виновности и в то же время любит ее и не чувствует себя способным судить и осуждать супругу. Тирада, в которой он описывает свое душевное состояние, показалась Дмитревскому слишком велеречивой, и он заметил: «Несравненно будет лучше, когда Ирод изъяснит свое смятение простыми словами». Державин последовал совету, и в текст «Ирода и Мариамны» тирада не вошла. Между тем она является важным звеном в изображении эволюции душевного состояния главного героя. Она соотносится с двумя сценами в первом и пятом действиях (л. 46 об.—48 об. и 95 об.—101 об.), где Ирод предстает правителем и судьей, имеющим полномочия высшей власти на земле. Если в первом действии мы видим грозного, но справедливого царя, то в начале пятого действия перед нами разыгрывается сцена неправедного суда над Мариамной, невинным и оклеветанным человеком, воплощением чистоты помыслов и жизни. Из первого, второго и третьего действий достаточно известно о жестокостях и насилии, чинимых царем. В рассматриваемой тираде автор показывает